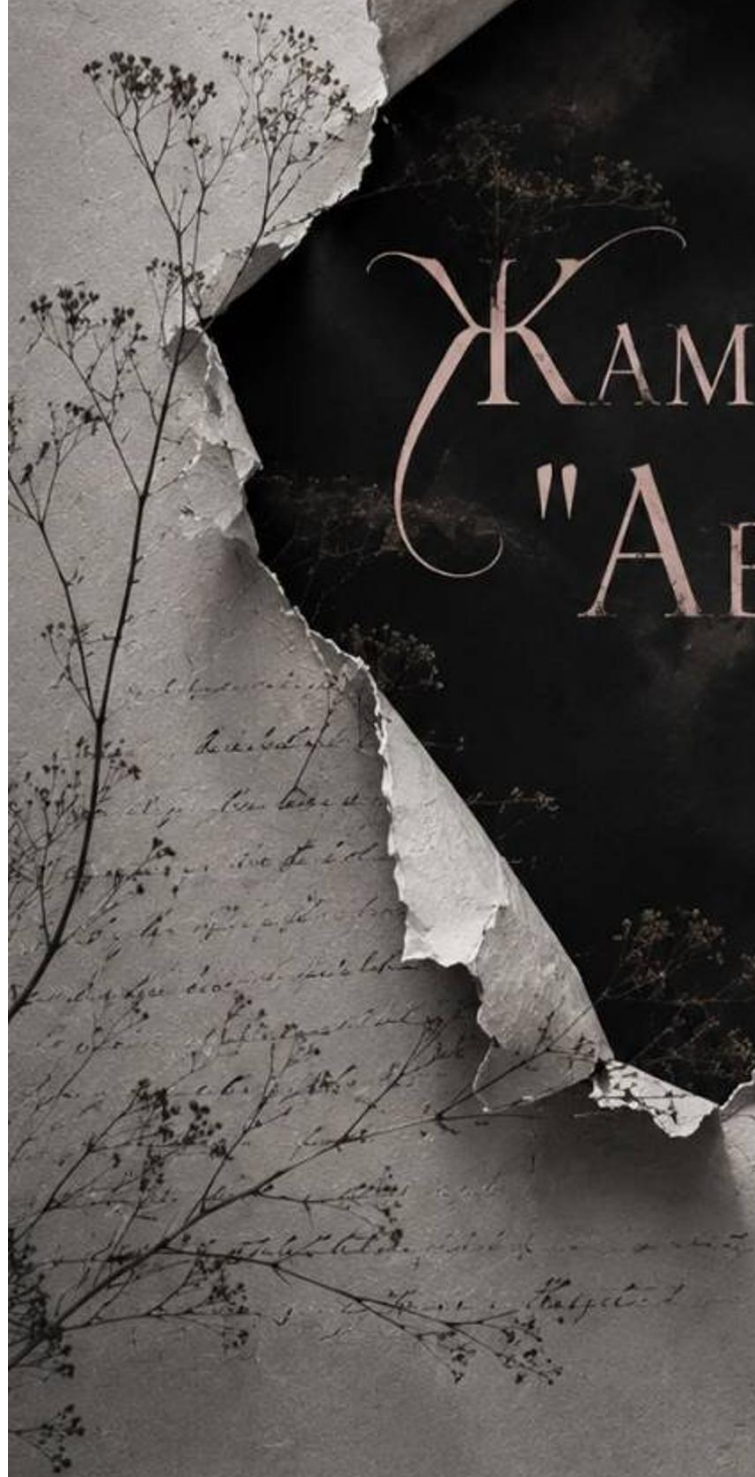

Jak Marriten

ЖАМЕВЮ НА
"АВИТО"

Jak Marriten

Жамевю на "Авито"

«Автор»

2026

Marriten J.

Жамевю на "Авито" / J. Marriten — «Автор», 2026

Сергей Костин, 34 года, менеджер по закупкам, однажды вечером листает "Авито" и натывается на странное объявление. Продаётся его жизнь. Не метафорически. В карточке товара — фотографии его квартиры, его кота, его жены Лены, его собственной руки с царапиной на указательном пальце. Цена: 1 рубль. Продавец: Глиняный Куратор. Продавец молчит в чате. Объявление висит три года. Никто не покупает, потому что никто, кроме Сергея, его не видит. Сергей решает разобраться. Без философии. Без поисков истины. Просто хочет понять, кто выставил его жизнь на продажу и почему так дёшево. Но чем дальше он заходит, тем сложнее отличить продавца от товара. Потому что когда покупаешь свою жизнь за рубль — непонятно, ты теперь владелец или покупка?

© Marriten J., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Лак Марритен

Жамевю на "Авито"

Глава 1

Сергей Костин открыл «Авито» без четверти полночь, когда Лена уже легла.

Это был ритуал. Не то чтобы он что-то искал — просто пролистывал чужие объявления, как другие пролистывают новости или порно. Диваны. Шкафы-купе. Мотоциклы, на которых он никогда не поедет. Чьи-то свадебные платья — «надевала один раз, состояние идеальное». Чьи-то гаражи — «срочно, торг». Чужое барахло успокаивало. Оно было понятным. У каждой вещи имелаась цена, состояние, причина продажи. Вещи не ввали. Люди ввали, а вещи — нет.

Сергей сидел на кухне в одних трусах и футболке с вытянутым воротом. Ноутбук грел колени. Чай остыл ещё полчаса назад, но он всё равно отхлёбывал — холодный «Липтон» с радужной плёнкой сверху, потому что Лена опять забыла залить фильтр. За окном висел ноябрь — не тот ноябрь с первым снегом и предвкушением зимы, а мокрый, серый, бесконечный, как очередь в поликлинике. В такие ноябри хочется либо спать, либо покупать ненужное.

Сергей листал раздел «Хобби и отдых». Кто-то продавал гитару с одной струной — «почти не играл». Кто-то — коллекцию пивных пробок, триста штук. Кто-то — гантели, «б/у, чугун, самовывоз». Картинки сменяли друг друга, и Сергей уже начал клевать носом, когда заметил объявление, которое не было похоже на другие. Оно не бросалось в глаза — наоборот, оно было каким-то слишком обычным. Слишком никаким. И именно это заставило Сергея остановиться.

Фотография была тёмной. Не чёрной — просто плохо освещённой, как будто снимали ночью в комнате, где горит только монитор. Но даже в этом полумраке Сергей узнал собственную кухню.

Свой стол. Свою кружку с Гарфилдом. Свою руку, лежащую на столе, — сейчас его рука лежала на тачпаде, но на фотографии она лежала точно так же, с той же родинкой у большого пальца, с той же крошечной царапиной на указательном. Царапина была свежая — три дня назад Сергей менял карниз в спальне и сорвал шуруп. Он помнил, как Лена сказала: «Вечно ты без перчаток», — и дала пластырь. Он помнил, как пластырь отклеился на следующий день. И теперь царапина была на его руке и на фотографии одновременно.

Первая мысль — кто-то взломал веб-камеру. Сергей рефлекторно прикрыл объектив пальцем, но тут же одёрнул себя: глупость. Он никогда не включал камеру на ноутбуке, она была заклеена чёрной изолентой ещё с покупки, как учили в интернете. Значит, не камера. Тогда что?

Он посмотрел на заголовок: «Жизнь б/у, 1990 года выпуска. Состояние хорошее. Торг уместен». Цена: 1 рубль.

Один рубль. Не тысяча, не миллион, не «договорная». Один рубль. Цена, которую не ставят даже на мусор. За один рубль продают то, от чего хотят избавиться.

Сергей хотел закрыть вкладку, но вместо этого кликнул в карточку продавца.

Лик: Глиняный Куратор.

Рейтинг: 4.7.

На «Авито» с апреля 2002 года.

Завершённых сделок: 384.

Двадцать четыре года на площадке. Почти четыреста сделок. Рейтинг хороший, но не идеальный — кто-то ставил четыре звезды, кто-то три, но большинство молчало. Сергей пролистнул отзывы. Они были странными: «Всё как описано», «Товар соответствует, но я не рад», «Продавец неразговорчивый, но своё дело знает». Ни одного конкретного упоминания, что именно покупали. Ни одной фотографии товара от покупателей.

Он вернулся к объявлению. Под заголовком была галерея — семь фотографий. Сергей кликнул на первую. Кухня. Крупнее, чем в превью. Он видел свою кружку с Гарфилдом — Гарфилд ел лазанью, и на лазанье остался след от чая, коричневый ободок. Он видел крошки на столе, которые не вытер. Видел отражение собственного лица в тёмном экране микроволновки — маленькое, размытое, но узнаваемое.

Вторая фотография — прихожая. Ботинки Сергея, кроссовки Лены, разбросанные как попало. Кроссовки лежали подошвами вверх, и на одной из подошв виднелась наклейка — круглая, ценник из «Спортмастера», который Лена так и не отклеила. Сергей помнил этот ценник. Он помнил, как они покупали эти кроссовки в прошлом году, как Лена мерила их и говорила: «Удобные, но цвет дурацкий».

Третья фотография — кот Ваучер. Серый, полосатый, спит на подоконнике. За окном — ночь, жёлтый фонарь, ветка тополя. Ваучер спал, свернувшись клубком, и его ухо чуть подрагивало — на фотографии это было видно, хотя фотография была статичной. Как будто кот дышал внутри снимка.

Четвёртая — Лена в ванной, чистит зубы. Она стояла спиной к камере, но её лицо отражалось в зеркале. Рот в пене, волосы собраны в пучок, плечи напряжены — Лена всегда чистила зубы так, будто это важная работа.

Пятая — их спальня. Лена спит, уткнувшись лицом в подушку. Одежда сбита, видно её плечо и родинку на лопатке. Родинка была на месте. Сергей знал эту родинку. Он знал её десять лет, с тех пор как они познакомились в общей компании, где Лена сидела с краю и молчала, а он пытался шутить и ловил её взгляд.

Шестая фотография — общий план спальни. Кровать, шкаф, ночник в виде луны, который они купили в «Икее» три года назад. Всё как всегда. Кроме одного: на прикроватной тумбочке лежала белая картонная бирка. Такая же, как на новой одежде, с верёвочкой и штрих-кодом. Сергей не помнил, чтобы такая бирка лежала у них на тумбочке. Но на фотографии она была.

Седьмая — его рука. Макро. Поры, волоски, царапина. Ноготь большого пальца чуть обломан — он обломал его сегодня днём, когда открывал ящик стола на работе. Фотография была сделана сегодня. Не вчера, не месяц назад. Сегодня.

Сергей закрыл ноутбук. Открыл. Объявление осталось.

Он прочитал описание:

«Продаётся жизнь, 1990 г.в. Модель базовая. Комплектация: тело, сознание, работа менеджером по закупкам, ипотека на двушку в Бутово (остаток 12 лет, ставка 9.2%), брак (7 лет, без детей), кот (3 года, серый, к лотку приучен). Состояние хорошее, но есть скрытые дефекты. Причина продажи: не моё. Цена окончательная. Самовывоз невозможен. Доставка не требуется. Возврата нет».

«Не моё». Два слова, которые Сергей чувствовал давно, но никогда не произносил вслух. Он смотрел на них, и в груди что-то медленно проворачивалось — не боль, а узнавание, как будто ему сказали то, что он сам знал, но боялся сформулировать.

Он нажал «Написать продавцу».

Чат открылся мгновенно. Сергей напечатал: «Что это за херня?» — и стёр. Напечатал: «Кто вы?» — и стёр. Написал просто: «Что это?»

Ответ пришёл раньше, чем он успел отвести палец от клавиши. Это был не текст. Это был смайлик. Жёлтое лицо с горизонтальной линией вместо рта. Ни весёлое, ни грустное. Просто линия.

— Что это значит? — написал Сергей.

— Смайлик:

— Вы продаёте мою жизнь?

— Смайлик:

— Почему 1 рубль?

— Смайлик:

— Кто вы такой?

— Смайлик:

Сергей ударил по клавишам: «Я сейчас в полицию позвоню, понял? Это мошенничество!» Но не отправил. Смотрел на мигающий курсор и чувствовал, как внутри растёт пустота, похожая на ту, что бывает перед экзаменом или перед дракой — когда всё уже решено, но ты ещё не знаешь, чем кончится.

Он стёр гневное сообщение и написал: «Я могу вернуть товар?»

Впервые ответ был другим. Не смайлик. Текст:

«Возврат невозможен. Товар был приобретён слишком давно. Вы пользуетесь им тридцать четыре года. Гарантийный срок истёк. Спасибо за понимание».

— Я не приобретал, — написал Сергей. — Я ничего не нажимал.

— Вы дышали. Этого достаточно. Дыхание = согласие. Вы согласились в момент первого вдоха. Условия были высланы на вашу почту. Проверьте папку «Входящие», апрель 2002.

Сергей открыл почту. Пролистал архив. Среди спама, писем от бывших коллег и уведомлений из банка нашлось одно — без темы. Отправитель: Глиняный Куратор. Дата: 3 апреля 2002, 14:07. Текст: «Вы приобрели жизнь. Срок гарантии не установлен. Инструкция отсутствует. Пользуйтесь. Отзыв можно оставить в любое время. Спасибо за покупку».

Письмо было прочитано. Сергей не помнил, чтобы открывал его. Но галочка стояла. Он проверил свои данные — в апреле 2002 ему было одиннадцать лет. Он учился в пятом классе, играл в «Контр-страйк» и болел ветрянкой. Он не мог ничего купить на «Авито». Но письмо лежало в ящике, и кто-то его прочитал.

— Откуда у вас моя почта? — написал он в чат.

— Вы сами её дали. В роддоме. В анкете.

— Я не заполнял анкету в роддоме.

— За вас заполнили. Родители. Они указали ваши данные и поставили галочку «Согласен с условиями». Они не читали условия. Никто не читает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.